

— По состоянию на 31 июля общая сумма вашей задолженности перед нашей компанией составляет пять миллионов пятьсот тысяч юаней. Просим произвести оплату в срок, согласно условиям договора займа. В случае нарушения обязательств последствия будут лежать на вас.

В восемь часов вечера это сообщение, пришедшее на телефон, обрушилось на Цзин Янь подобно грому среди ясного неба. Она ведь занимала всего десять тысяч! Прошел всего месяц, а долг вырос до пяти с половиной миллионов. Она планировала открыть маленькую лавочку по продаже жареных колбасок, чтобы подзаработать на летних каникулах, когда студенты разъезжаются, а туристов становится больше, но никак не ожидала, что попадет в ловушку мошенников.

Пять с половиной миллионов! Как ей, бедной студентке, выплатить такую сумму?

Цзин Янь открыла калькулятор в телефоне, но как бы она ни считала проценты, понять, откуда взялась эта цифра, было невозможно. На звонки в кредитную компанию никто не отвечал, а тот парень, что оформлял ей документы, перестал отвечать в мессенджере и сбрасывал вызовы.

Цзин Янь всю ночь ворочалась без сна, то и дело поглядывая в дверной глазок. Она до смерти боялась, что кредиторы придут и зальют замочную скважину клеем, а еще больше — что, открыв дверь, увидит на стене коридора ярко-красные надписи: Цзин Янь, верни деньги, долги надо отдавать!

Эта квартира принадлежала тетушке Дин, которая разрешила ей здесь жить, взявая лишь символическую плату. Цзин Янь приходилось подрабатывать в нескольких местах, поэтому возвращаться в общежитие университета допоздна было неудобно. Хотя квартирка тетушки Дин была старой, обшарпанной и меньше тридцати квадратных метров, она находилась в самом центре мегаполиса, где земля на вес золота. Транспортная развязка отличная, метро и автобусы рядом, а до университета всего три остановки.

Да и район здесь был спокойный. Первые этажи старых домов владельцы превратили в торговые ряды: закусочные, лавки с мелочевкой, фруктовые лотки, магазины чая — все работало до глубокой ночи. Улица была залита огнями, поток людей не иссякал, так что возвращаться домой в одиночку было не страшно.

Цзин Янь была сиротой, в этом мире у нее не осталось ни одного родственника. Самым близким человеком была тетушка Дин, которая раньше подрабатывала в приюте: чистила овощи на кухне, мыла посуду и убиралась.

Тетушка видела, как Цзин Янь росла. Наверное, это была судьба: при первой же встрече, когда малышке было всего три года и она еще толком не умела говорить, она начала улыбаться тетушке Дин. С тех пор она каждый день прибегала на кухню, помогала чистить овощи, подметать пол — делала всё, что было ей под силу.

Муж тетушки Дин рано скончался от болезни, оставив ей в наследство не только сына,

который был на шесть лет старше Цзин Янь, но и кучу долгов. Поэтому, помимо работы в приюте, ей приходилось брать еще несколько подработок.

С четырнадцати-пятнадцати лет Цзин Янь по выходным помогала тетушке у работодателей: стирала, готовила, убиралась — всё у нее получалось отлично. Тетушка Дин, несмотря на свои трудности, всегда покупала ей одежду и обувь, а если дома готовила что-то вкусное, то звала девочку к себе или передавала угощение в школу.

После того как сын тетушки Дин уехал за границу на заработки, они стали еще ближе. Тетушка отдала Цзин Янь ключи от дома и сказала, что та может приходить в любое время, как к себе домой.

Поступить на вокально-оперное отделение престижного университета Цзин Янь было непросто. В наше время студенты творческих вузов — либо дети богатых родителей, либо представители знатных семей, ведь обучение музыке, вокалу, танцам или живописи стоит безумных денег, которые обычная семья просто не потянет. А уж найти педагога для подготовки к экзаменам — тем более задача не из легких, одних денег тут мало.

Тем, что Цзин Янь смогла заниматься фортепиано и вокалом, она была обязана исключительно тетушке Дин. Тетушка была глубоко верующей христианкой и волонтером в церкви. Ее трудолюбие, доброта, чувство собственного достоинства и тяжелая судьба тронули пастора Сыту. Он проникся симпатией и к маленькой Цзин Янь, которая часто сопровождала тетушку в церковь, помогала по хозяйству, была послушной, смысленной и очень миловидной девочкой.

Супруга пастора, итальянка, сама была оперной певицей. Увидев удивительный талант Цзин Янь, она вызвалась бесплатно учить ее игре на фортепиано и пению. Зная, что девочка — сирота, чета пастора не только не брала денег за уроки, но и ежемесячно выделяла ей по пятьсот юаней на жизнь.

Тетушка Дин и Цзин Янь, не зная, как отблагодарить их, дважды в неделю приходили убираться в доме пастора, да и в самой церкви вся уборка лежала на них. Благодаря этому у Цзин Янь было много возможностей репетировать и играть на фортепиано в церкви.

Цзин Янь поступила в университет с лучшими результатами как по профильным, так и по общеобразовательным предметам. Вскоре ее мастерство начало стремительно расти, и она неизменно оставалась лучшей на курсе. Она избавилась от застенчивости и робости, которые преследовали ее в приюте, и стала гораздо увереннее в себе.

Но ей не хватало денег. Ей отчаянно нужны были деньги.

Поступив в университет, Цзин Янь вежливо отказалась от дальнейшей финансовой помощи пастора. То, что они для нее сделали, было неоценимо. Даже ее репетиторы перед экзаменами были именитыми преподавателями из консерватории, к которым многие не могли попасть даже за огромные деньги — они занимались с ней бесплатно из уважения к пастору, из жалости к сироте и из любви к талантливой ученице.

Цзин Янь чувствовала, что в восемнадцать лет она уже взрослая и не должна обременять добрых людей. Она поклялась, что будет полагаться только на себя и оплатит всем, кто ей помогал, своими успехами.

Хотя при поступлении она оформила студенческий кредит, а позже получала стипендии и государственные пособия для сирот, денег на жизнь и учебу катастрофически не хватало.

Для выступлений однокурсницы заказывали себе платья у дизайнеров — от десятков тысяч до сотен тысяч юаней. Цзин Янь же приходилось покупать подержанные вещи в интернете. Конечно, ее наряды выглядели дешево и просто по сравнению с одеждой однокурсниц.

Но Цзин Янь это не волновало. В конце концов, под светом софитов зрители не видели большой разницы. Главное ведь — как она поет.

На колкости и завистливые взгляды девушек она старалась не обращать внимания. С самого детства она наслушалась столько гадостей и насмотрелась на столько пренебрежения, что ей просто некогда было переживать из-за этого — она была слишком занята учебой и подработками.

Однако по программе ей нужно было посещать выступления мастеров. Билеты на концерты знаменитых отечественных исполнителей стоили тысячи юаней, а на зарубежных звезд — еще больше, и достать их было непросто. Иностранные артисты приезжали в Китай нечасто, и пропускать такие события было нельзя.

Хотя в интернете полно записей выступлений, живое исполнение ни с чем не сравнить. Цзин Янь была готова голодать и носить старую одежду, но на это экономить не могла. В сентябре начинался второй курс, у нее появлялся шанс попасть на национальный вокальный конкурс, а мастер-классы стоили денег.

Цзин Янь прекрасно владела тремя техниками пения: академической, народной и эстрадной. Сокурсники советовали ей подрабатывать в барах, исполняя популярные песни, там платили больше, но она не решалась. Тетушка Дин постоянно ее предостерегала: Ань-эр, ты сирота, а я — простая рабочая. У нас нет ни связей, ни влиятельных родственников. В таких местах, где полно сомнительных личностей, случись что — мы даже спасти себя не сможем.

Цзин Янь играла на фортепиано почти на профессиональном уровне. Но все же она была вокалисткой, а не пианисткой. В Хайчэне было полно профильных вузов, и на серьезные заказы она претендовать не могла. Ей оставалось лишь подрабатывать в лобби отелей или на презентациях новых жилых комплексов.

Она очень хотела заработать побольше денег за это лето.